

СОДЕРЖАНИЕ

*Все права сохранены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.*

Месяц первый. Хоспис.....	5
<i>Когда смерть — совсем рядом, но еще можно что-то изменить</i>	
Месяц второй. Цирк шапито.....	45
<i>Они живут только в манеже. А между представлениями — ожидают жизнь</i>	
Месяц третий. Музей Ивана Гончара	83
<i>Заирнути у своє минуле — і віднайти своє майбутнє</i>	
Месяц четвертый. Общество защиты животных	107
<i>Животные: твой тест на человечность</i>	
Месяц пятый. Обсерватория	131
<i>Космос. Земля. Человек</i>	
Месяц шестой. Горные спасатели	161
<i>Лучше гор — только горы. Ты рискуешь — они спасают</i>	
Месяц седьмой. Дизайн интерьера	191
<i>Сделаем мир красивее!</i>	
Месяц восьмой. Сумасшедший дом	211
<i>Определить границы нормы</i>	
Месяц девятый. Национальный экологический центр Украины. Energy Evolution UA	233
<i>Береги энергию. Сбереги Украину!</i>	

© П. Башкина, текст, 2021
© «Фабула», макет, 2021
© Издательство «Ранок», 2021

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Месяц десятый. Скульптура: рельефная пластика по коже 251

Счастье быть Творцом

**Месяц одиннадцатый. Институт молекулярной биологии
и генетики..... 263**

Раскрыть тайну жизни

Месяц двенадцатый. Послушание в монастыре 301

Новое рождение

ГОД ~~С~~СМЫСЛА

Месяц первый

ХОСПИС

*Когда смерть — совсем рядом,
но еще можно что-то изменить*

— Не грусти,— сказала Алиса.— Рано или поздно все станет понятно, все встанет на свои места и выстроится в единую красивую схему, как кружева. Станет понятно, зачем все было нужно, потому что все будет правильно.

Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране чудес»

В шапочках для душа на ногах вместо бахил, в бело-зеленом халате и перчатках я начинаю свой день с того, что приветствую птиц. А еще — хомячков и морскую свинку Шуру, которую бывшие хозяева выбросили на снег.

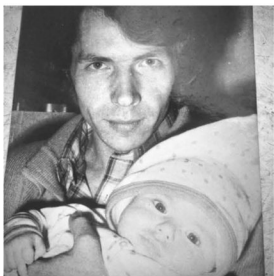

Дело происходит в саду, действие напоминает сцену из «Синей птицы». Самой Синей птицы здесь нет. Но только на первый взгляд. Каждая птица становится синей-синей, когда заходит человек: ему осталось дышать считанные дни. Сад — это последний островок живой жизни, который суждено увидеть больному.

Верхушки тополей и сосен, высвеченные солнцем и вписанные в больничное окно, словно говорят «прощай!».

Я в хосписе. Здесь болеют раком. Отсюда «уходят». Каждый день, переклеивая записки на еде, принесенной родственниками, сестры уточняют, жив ли еще тот или иной пациент. Вчера стало на одного меньше.

Набираю воду, нахожу швабру, начинаю мыть пол. Кроме меня и канареек с прочей живностью — никого.

Старательно тру линолеум. Впрочем, в хосписе — чистота и порядок, поэтому мое мытье полов и подоконников, протирание листочков и драение дверей — скорее, ритуальные действия. Но эти традиции — пульс бытия. Пока мытье полов кажется нам важной задачей, мы живы.

Впервые мы по-настоящему чувствуем, что смертны, когда уходит кто-то из родителей. Исчезает последний заслон, и холодный ветер теперь дует в спину нам. Мой отец «ушел» два года назад, и мы жили

Действительно ли наша жизнь «расходится» на стоящие вещи? Как правило, мы задумываемся об этом, когда оказываемся на краю: серьезная болезнь, авария, в которой чудом удалось выжить, несчастный случай... Такие моменты часто становятся поворотными: кризис позволяет нам подняться на новый уровень осмысления.

А в большинстве своем мы проводим дни так, будто нам дано 99 жизней. Растрчиваем самое драгоценное — время. Не решаемся выйти за границы привычной социальной разметки «дом—офис». Ждем пятницы. Ругаемдельники. Работа не в радость. Необязательные занятия. Случайные люди. Где во всем этом самое важное — мы сами? Мы не разрываем опустылевших отношений без «запасного варианта». Не готовы уволиться без «запасного аэродрома». Боимся рисковать, не имея гарантий. Но жизнь не дает гарантий — она дарит возможности!

Вам страшно все изменить? И мне было страшно. Я рискнула за нас. Начала публичный эксперимент: перечеркнув 19 лет карьеры в PR, без финансовых запасов уволилась с высокооплачиваемой работы и начала искать свое призвание. Перед вами моя история. Целый год. 12 профессий за 12 месяцев. Но главное — 12 героев, обычных, но очень смелых людей, которые в корне изменили собственную жизнь, нашли свою миссию и живут осознанно. Я честно поведаю о победах и неудачах на моем пути. А еще — о найденном Смысле. И тогда, возможно, вы будете готовы принять свое самое-важное-решение.

ГОД СМЫСЛА

Мой папа не попал в авиакатастрофу над Африкой и не писал в это время жизнеутверждающих смс-сообщений. Он долго и мучительно умирал от рака. И конечно, мне казалось, что в такие моменты к человеку «вдруг» приходит знание: становится ясно, в чем смысл и как жить. Он тогда ответил: «Просто радоваться».

Добрую треть жизни мы не верим в то, что когда-нибудь умрем — умрем всерьез, по-настоящему. С детства нам внушают, что главные радостные события — впереди. А чтобы это чудесное «что-то» случилось когда-нибудь потом, сейчас нужно приложить много усилий, много работать и всячески развивать свои умения.

В 5–7 лет мы упаковываем мечту стать космонавтом в потайной ящичек и начинаем социализироваться. Ближайшие 20 лет мы будем ощущать себя практически бессмертными. Мы — боги! Нам подвластны зачеты и экзамены, бланки налоговой инспекции и механики маркетинговых акций. На смену иррациональным ожиданиям молодости приходит отрезвляющая зрелость, а за ней — вопрос, на который нам никто не спешит ответить: жизнь прошла — неужели это все?

Иногда смерть случается неожиданно. В этом случае жизнь напоминает игру, когда дети бегают вокруг стульев в ожидании крика ведущего «Стоп!». Команда может прозвучать в любой момент, после чего необходимо занять свободное место. Кому-то одному стула не хватит.

Нужно ли дожидаться смертельной опасности, чтобы начать жить осмысленно? Чертой, разделяющей прошлое и настоящее, для меня стал хоспис. Видеть людей, у которых надежды уже нет, — ничто не отрезвляет лучше. Помогать таким людям — ничто не дает большего ощущения, что день прожит не бездарно. Как у Мамонова: «Каждую ночь нужно задавать себе простенький вопрос: я прожил сегодняшний день — кому-нибудь от этого было хорошо?»

Запись № 1

Когда я договаривалась о волонтерской помощи, мне предложили ухаживать за зимним садом. «Зимний сад???!» А как же больные? — думала я. — Зачем я здесь?» Теперь я просто прихожу и спрашиваю, какая для меня есть работа. Буквально с первого дня стало понятно: неважно, что именно делаешь, — ты поддерживаешь единый организм, а он, в свою очередь, — жизнь людей.

Раз уж я стала неким публичным экспериментом и метаморфозы со мной происходят на ваших глазах, признаюсь, что жизнь человека не была для меня осознаваемой ценностью (то ли дело собачки). Точнее, разумом то ценность человеческой жизни я осознавала, а сердцем — нет. И здесь, в хосписе, впервые почувствовала: это на самом деле важно. Душа начала оживать.

А на днях заметила, что «подсаживаюсь»: утро без помощи — и уже некомфортно, будто не сделала чего-то важного...

Итак, из чего же теперь состоят мои рабочие дни? Я поливаю цветы (что-то около 150 растений), протираю листочки (упражнение на воспитание терпения и смирения), кормлю зверушек и птиц, мою за ними клетки, вытираю пыль, подписываю еду для больных. Выгуливаю морскую свинку Шуру. Убираю библиотеку. Иногда кормлю пациентов, которые сами есть уже не в состоянии. Читаю им вслух. Общаюсь. Узнаю или делаю для них что-то, если попросят.

Сегодня, в числе прочего, выполняла околобуддистскую задачу: очищала от песка голыши и раскладывала их — будто игра в старинные шашки, настоящий японский сад камней на песке. Параллельно искала двух чере-

пах, которые исчезли из бассейна. Чтоб вы знали: черепахи, когда им нужно, бегают довольно стремительно. Иногда закапываются в песок между камнями, чтобы отложить яйца. Но в этот раз в песке — никого. И куда можно было деться? Может, они уже в черепашьем раю?.. Надо выпустить из клетки Шуру и отправить ее на поиски своих соседей.

Под конец дня общалась с «новопоступившей». Онемела. Теперь надо набраться мужества, чтобы рассказать вам...

«Писать статью тебе неинтересно?! — раздается в трубке крик главного редактора нефтерыночного издания. — А полы в хосписе мыть интересно?! Не смогла сорвать PR-бюджет — так и скажи». Его слова слышатся приглушенно, будто они пытаются пробиться к моему сознанию сквозь толщу воды. О чем он говорит? Прошла всего пара месяцев с тех пор, как я уволилась, а прежняя жизнь кажется мне сном. Или это сейчас я сплю, а проснувшись, снова буду проводить акции в ресторанах?.. Иду читать вслух Ларисе¹.

Рефлексия #1. Вдруг обнаружила, что стала совершенно индифферентна к критике. Вообще пропало желание вести пылкие дискуссии и что-либо доказывать. Напрочь. Удивительно. И как быстро! И стало легко: просто иное качество жизни.

Запись № 2

— Я всю жизнь мечтала, чтобы мне внучка почитала книжку. Поэтому, когда сказали, что вы можете почитать, меня так это тронуло... Может, еще одна мечта сбудется...

— Конечно, я почитаю, только я ж не внучка, к сожалению, заменить не смогу...

— Да какая уже разница...

— А внуки есть?

— Четверо. У одной дочки двое и у второй двое детей. Они ж в декрете обе. Им ко мне не приехать, даже если б хотели... Ну а сын меня обидел. Говорит: «Что я, на сутки поеду судна тебе выносить?» — «Дима, ты скот редкий», — говорю ему. И бросила трубку. В пятницу у меня ступор был полный, как узнала это все. Делали ж биопсию. А потом еще как сказали, что химиотерапия мне не показана, то есть даже шансов нет...

Я попыталась выяснить, почему не показана «химия», но вскоре поняла, что напрасно. Людям важно, чтобы их просто выслушали. И я слушала. Лариса, сдерживая раздражение, чеканя звуки, будто делая ударение на каждом слове и ставя точку после каждого из них, произнесла:

— У меня злокачественная опухоль поджелудочной железы и какой-то там — длинное, красивое, смешное название — рак печени с многочисленными метастазами. По сути, два рака. Я говорю: «Ведь печень же способна к регенерации». А врач мне: «Там столько метастазов, они прогрессируют

¹ Имена пациентов изменены.

быстрее, чем печень может себя регенерировать». Я ж уже проконсультировалась. Я же по профессии финансист, трезвомыслящий человек... Вчера подружка приходила, вместе работали, начала плакать, мол, что можно сделать... Я ей говорю: «Мы с тобой бухгалтера. Вот валюта баланса, мы сдавали, скажи, можно что-то подделать?» — «Ну нельзя». «Ну так чего ты?...» Просто я трезвомыслящий человек... Я всегда жила так, как положено. Как должно быть. Теперь-то уже поздно что-то...

Лариса замолчала. Было видно, что она ведет диалог сама с собой. Затем продолжила:

— Каждому дала образование, каждому дала квартиру, так что я им ничего не должна. Просто раньше гордилась, что у меня дети не проститутки, не наркоманы, а сегодня настолько расстроилась, что... Пусть бы были наркоманы и проститутки, только б нормальные... Я сама виновата: я их не приучила обо мне заботиться. Они всегда говорили: «Мама, ну ты ж сильная, ну чем тебе...» Мне никогда на день рождения подарки никто не дарил, я всегда сама себе дарила... Мне всегда говорили: «А зачем? У тебя все есть». Вот такая моя вся жизнь. И я говорю: «Могу я в конце жизни поступать, как я хочу? Что я всю жизнь для всех, для всех, для всех... в конце концов, ну могу я для себя?» Он говорит: «Что ты хочешь?» Я говорю: «У нас где-то есть хоспис, хочу там умереть. И хочу в крематории чтоб договорились, чтоб меня сожгли и над Трухановым островом развеяли». Он говорит: «Хорошо, сделаем». Вот и все. В Луганск я умирать не поеду, я ненавижу этот город. Я в нем всю жизнь воевала-воевала... Мне в июле 55, хотелось бы дожить...

Я снова вспоминаю Мамонова: «С высоты своих 60 лет я говорю: нельзя терять в этой жизни ни минуты, времени мало, жизнь коротка, и в ней может быть прекрасен каждый момент».

После переоценки профессиональных смыслов и потери близкого человека мне было важно понять, что открывают для себя люди на краю, перед переходом. Как смотрят на прожитое? Какие ценности выходят на первый план, а что видится тщетным? Что бы исправили, будь у них такой шанс? Ведь человек — единственное существо на Земле, которое осознало свою смертность. Что это ему дало? В чем он ищет утешение? В каких целях и стремлениях? А может быть, в мыслях о бессмертии? В конце пути ответ получит каждый из нас, но будет поздно. Потому я и отправилась за ответами в хоспис — пока еще есть время что-то изменить.

Запись № 3

У пациентов хосписа стираются из памяти привычные даты. Памятными становятся числа, когда человек поступил или (исключение из правил) выписался отсюда.

— Первый раз я попала в хоспис 28 декабря, а выписалась 22 мая. А потом 3 сентября я снова сюда легла. И вот до сих пор лежу,— грустно говорит Лена.

Ее голос совсем ослаб, она совершает усилие, чтобы рассказать свою историю.— Когда меня выписали, я вернулась домой и на радостях решила закончить ремонт. Ремонт-то я закончила, но сразу после этого снова зазрела сюда. И вот теперь думаю: Бог мне такой щедрый подарок дал — позволил еще пожить, а я это время потратила на ремонт. А теперь уже все. Нет больше времени. Не могу вам передать, как я жалею. Я тогда не понимала, что на самом деле важно. Пожалуйста, расскажите всем, расскажите людям, чтобы они не повторили моей ошибки! Если бы я только знала, что это мои последние дни, никогда на ремонт бы их не потратила!

В хосписе можно встретить три категории людей. Тех, кто там работает, узнаешь по иммунитету к проблемам жизни и смерти. Несмотря на то что с последней сотрудницы встречаются каждый день, это не лишает их равновесия. 8-часовой рабочий день граничит с вечностью, дружные сестринские чаепития следуют за кормлением тех, кто уже не может есть самостоятельно, а обсуждения зарплатных надбавок мирно соседствуют с осознанием тщетности земных благ.

По коридорам ходят те, кого на днях не станет. «Те, кого...» — ты даже не даешь им имени. Что-то далекое, первобытное внушает страх: они еще живы, но уже как бы не существуют. Почему-то неудобно смотреть им в глаза. Прямой взгляд ощущаю как неделикатность: мне кажется, в последние дни нужно дать этим людям возможность побыть наедине с собой. А они, быть может, напротив, ждут наших взглядов и чувствуют себя еще хуже от того, что к ним относятся, как к «другим», что между ними и «обычными» людьми проведена невидимая черта — им больше нет места в жизни. Неожиданно становится стыдно, будто это ты виноват в их болезни, стыдно, что ты живешь, а им осталось всего несколько рассветов. И ничего не можешь поделать. Кто-то принял происходящее, другие же — агрессивны. Они словно винят тебя, что ты будешь жить после них, умирают, критикуя и ковыряя пальцем небо.

И есть родственники. Часть из них уже смирилась, у других же душа мечется между двумя мирами. Иногда кажется, что родственники нуждаются в помощи больше, чем сами умирающие. Но бывают и тяготящиеся. Их в хосписе почти не увидишь — они редко навещают своих близких.

Запись № 4

— Ему приехать сюда — целая каторга,— тихо говорит Лена.— Это надо упрашивать, чтоб приехал и еды привез.

— Я думала, сын каждый день у вас бывает.

— Нет,— ответила Лена.— Нет,— добавила она, помолчав.

— Так если он не работает, чем он занят?

— Свои дела у него. Рэп читает. В клубах выступает... Пишет музыку и слова. Сам пишет и сам читает.

В голосе слышались и гордость талантом ребенка, и горечь одинокой матери.